

Вліяніе академического образования на нравственный элементъ (силу духа).

Странный взглядъ въ нашемъ ооществѣ на академистовъ!

Точно въ вѣкъ обскурантизма, когда всякая наука преслѣдовалась, какъ страшнѣйшій врагъ религіи, нынѣ занятія военными науками считаются портящими истинное военное искусство.

Нѣсколько авторитетныхъ голосовъ въ красивой формѣ рассказали примѣры, доказывающіе—будто бы академисты всегда хуже командовали, чѣмъ просто строевые; и вообще уступали послѣднимъ въ военномъ искусствѣ.

Эту [мысль какъ бы подтверждаетъ и г. А. Резановъ въ своемъ «Опытѣ военной психологіи... («Армія и толпа»—сообщеніе, сдѣланное въ Собраніи офицеровъ генеральнаго штаба Варшавскаго военнаго округа) слѣдующими словами: «Только природа, а не академія, надѣляетъ человѣка наиболѣе существеннымъ талантомъ полководца—*силою воли характера*»¹⁾).

¹⁾ Курсивъ г. Резанова.

Вообще сталъ укореняться взглядъ, что образованіе, а слѣдовательно и умственное развитіе не имѣютъ того *первенствующаго* для военнаго дѣла значенія, которое ему всегда до сихъ поръ придавали и которое ему на самомъ дѣлѣ принадлежитъ.

Нѣкоторое, какъ бы скептическое отношеніе къ «учености», къ академическому образованію въ средѣ военныхъ начало проявляться уже давно—со времени Тугута, Вейротера, гофкригсрата; но не высказывались такъ громко, открыто, не конфузясь, какъ это видимъ теперь.

— Академисты, молъ, въ лучшемъ случаѣ *знаютъ*, но не *умѣютъ*...

Академисты—непрактичны, безтактны, слабовольны; академисты—гастролеры строя и даже службы поля... Вообще на одномъ сообщеніи были нарисованы такія картины (а вѣдь картинами изъ настоящей, т.-е. дѣйствительной жизни можно при остроуміи доказать что угодно), которыя ярче солнечнаго дня доказывали, что нынѣ академіи—язвы и «зло здѣшнихъ мѣстъ»...

— Добре и по-дѣломъ досталось академистамъ, неправда ли? слышалъ я послѣ мнѣнія своихъ собесѣдниковъ; причемъ въ этихъ словахъ слышалась довольная нотка: наконецъ, молъ, воздали должное (?) счастливымъ выскочкамъ (?).

Не будучи самъ академистомъ, тѣмъ не менѣе я внутренно чувствовалъ и величайшую ненормальность, и несправедливость подобнаго заключенія, и въ своемъ возраженіи (на которое мнѣ было предоставлено не болѣе 5 минутъ) инстинктивно коснулся развитія силъ духовныхъ, къ числу которыхъ, притомъ одной изъ первенствующихъ, принадлежитъ и сила ума.

Но до сихъ поръ, признаюсь, я не могъ уяснить себѣ определенно—въ чемъ причина такого явно ненормальнаго заключенія, что академисты по службѣ будто уступаютъ не академистамъ.

Съ другой стороны я не могъ не согласиться съ констатирующими фактъ: на ряду съ высшимъ умственнымъ (что связано обыкновенно и съ прочимъ духовнымъ)—у нѣкоторыхъ—развитіемъ, въ то же время преимущественная—у другихъ академистовъ—страсть къ критиканству всего и вся безъ разбора, къ преувеличенному самомнѣнію и апломбу, страсть къ огульной характеристикѣ всѣхъ остальныхъ смертныхъ, какъ дураковъ, ничего не понимающихъ, ничего не знающихъ.

Въ скобкахъ: только страсть ругать всѣхъ дураками могла заставить забыть всѣмъ пзвѣстное изреченіе великаго мудреца: кто

ругаетъ другихъ дураками—самъ не умный человѣкъ, такъ какъ нормально дураковъ нѣтъ; есть идіоты.

Но этотъ же фактъ далъ и ключъ къ объясненію обскурантивнаго взгляда—будто академическое образованіе не есть въ тоже время и развитіе силы духа, нравственнаго элемента.

Смѣшиваютъ идею съ выполненіемъ ея. Уклоненіе отъ идеи ставятъ въ вину самой идеи.

Идея академій очевидна и безспорна: высшее образованіе—общее и специальное; т.-е.—высшее развитіе разума (высшее мышленіе) вообще и въ специальномъ направленіи.

Истинное же высшее развитіе ума неразрывно связано съ развитіемъ всей силы духа (нравственнаго элемента), хотя бы субъектъ этого и не сознавалъ. И въ этомъ отношеніи глубоко не правъ г. Резановъ, заявляющій, что только природа, а не академія, надѣляетъ человѣка наиболѣе существеннымъ талантомъ полководца; силою воли характера (?) можетъ надѣлать хоть не въ полной мѣрѣ и академія.

Какъ психологу, г. Резанову извѣстно, что есть рефлексы природные, но можно заучивать движенія, упражненія и этимъ выработать искусственные рефлексы во всемъ, не исключая силы воли, характера; какъ и сила физическая, и умственная обязательно должна имѣть свое развитіе при помощи упражненій для того, чтобы приобрѣсти рефлексивный, т.-е. какъ бы природный характеръ.

И сила воли (характера) создается преимущественно специальнымъ воспитаніемъ, которое и есть превращеніе произвольныхъ упражненій, движеній въ заученныя движенія, т.-е. рефлексивные (какъ бы природные, инстинктивные, наследственные).

Однако, какъ я уже сказалъ, кромѣ специального развитія силы воли, послѣдняя развивается рефлексивно, какъ бы при развитіи ума; вообще ни воля, ни умъ, ни чувство—не самостоятельны и развиваются не самостоятельно—отдѣльно, а съ развитіемъ души, такъ какъ душа цѣльно—одна и не раздѣляется на элементы: чувства, ума, воля; это только стороны души, тѣсно и неразрывно связанныя между собою!

Каждый можетъ легко убѣдиться въ этомъ посредствомъ наблюденій вообще за психической жизнью, въ особенности надъ эмоціями ²⁾ страха, а затѣмъ сравненіемъ силы воли, твердости

²⁾ Психическое возбужденіе, чувство.

характера у лицъ съ высокимъ умственнымъ развитіемъ и обыкновеннымъ среднимъ. Лучше всего—сравненіемъ собственной силы воли, твердости характера до академіи и послѣ академіи: до самообразования и затѣмъ—черезъ нѣкоторый періодъ.

Объясняется это тѣмъ, что при высшемъ умственномъ развитіи воля направляется разумомъ (сознаніемъ) правильно и этимъ самымъ укрѣпляется.

Напримѣръ, въ академіи или вообще разумомъ, я постигъ, что заблаговременное составленіе плановъ всей кампаніи есть абсурдъ; такое познаніе сейчасъ же даетъ толчокъ волѣ—возбуждаетъ ее принять соотвѣтствующее рѣшеніе.

И созналъ, что одно изъ высшихъ достоинствъ вождей и вообще военныхъ—самообладаніе, и наоборотъ—распусканіе себя до предѣла «вышелъ изъ себя» въ отношеніяхъ къ подчиненнымъ и вообще къ другимъ есть въ высшей степени отрицательное качество для начальниковъ и пагуба для войскъ въ критическія минуты; это сознаніе, конечно, сейчасъ же даетъ толчокъ волѣ—держатъ себя въ рукахъ. Но, конечно, это при высшемъ развитіи интеллекта (разума).

Рельефнѣе всего показываетъ связь развитія общей силы духа съ развитіемъ умственнымъ (интеллекта) преодоленіе разумомъ безотчетнаго чувства страха, въ особенности одного изъ видовъ страха—*трусости*.

Какъ извѣстно, трусость опредѣляется, какъ страхъ малодушнаго человѣка. Слѣдовательно, очевидно при высшемъ умственномъ развитіи, развитіи мышленія, трусость, безотчетные страхи побѣждаются: благодаря этому укрѣпляется сила воли, потому что страхъ—смертельный врагъ силы воли (парализуетъ ее) и вообще силы духа; значить развитіе разума побѣждаетъ малодушіе.

Высшее умственное развитіе побуждаетъ посредствомъ воли человѣка дѣлать не то, что хочется (слушаться чувствъ), а то, *что должно*, т.-е. развиваетъ чувство долга (совѣсть).

Кромѣ того съ развитіемъ высшаго интеллекта связано и развитіе высшихъ (безкорыстныхъ) чувствъ человѣка (любовь къ отечеству, любовь къ прекрасному и др.).

Высшій же интеллектъ даетъ правильное понятіе о долгѣ. Онъ же эволюціонируетъ чувства человѣка, превращая простѣйшія и низшія въ болѣе сложныя и высшія ³⁾.

³⁾ Напр., страхъ—въ опасеніе и предусмотрѣніе зла. Гнѣвъ—въ негодованіе и неодобреніе; печаль—въ грусть и даже умиленіе; зависть и соперничество можетъ при помощи интеллекта перейти въ соревнованіе и т. п.

Вообще было бы очень долго перечислять примѣры, указывающіе налічіе связи между развитіемъ силы ума и силой духа. Достаточно напомнить, что *все воспринимаемое умомъ* обязательно сопровождается *вниманіемъ, т.-е. актомъ воли*. Всякое вообще познаніе является возбуждителемъ воли, находя исходъ въ какомъ-нибудь актѣ воли, выражается ли этотъ актъ воли дѣйствіемъ (осуществленіе познанія) или скопленіемъ энергіи (сила желанія, хотѣнія, напряженіе).

Правда, сила духа, величіе человѣка, измѣряется прежде всего силою воли, какъ своею высшей двигательной силой, и потому послѣднюю слѣдовало бы развивать спеціально и одновременно съ развитіемъ ума и чувствъ, но это еще не даетъ права говорить, что академіи, какъ имѣющія цѣлью высшее умственное развитіе, не надѣляютъ человѣка силою воли, хотя это и происходитъ безсознательно.

Послѣднее мнѣніе, послѣ всего сказаннаго, очевидно не имѣетъ серьезнаго основанія. И мы на самомъ дѣлѣ видимъ, что академисты (исключенія всегда бываютъ) *умѣютъ* работать, умѣютъ себя заставить дѣлать (это вѣдь сила воли) то, что должно: вообще нравственный элементъ академистовъ становится выше.

Но только въ академіяхъ до сихъ поръ въ силѣ переоцѣнка ума и познаній, забывая, что воля—господствующая сила души, распоряджающаяся колоссальнымъ запасомъ энергіи, какъ простой—физической, такъ и сложной—душевной, забывая, что волей осуществляется все, что добыто умомъ (познаніями) и чувствомъ. И вотъ, несмотря на это чрезвычайное практическое значеніе развитія силы воли (особенно для военныхъ), этой силѣ предоставляютъ свободно развиваться или уменьшаться безъ всякаго контроля и сознанія.

Современная же наука говоритъ, что сила воли, сила характера, достигается соответствующими спеціальными упражненіями, подобно гимнастикѣ. Лучше все, поучно съ упражненіями по развитію ума и чувствъ, т.-е. общаго развитія психизма. Нужно достигнуть *сознанія воли, т.-е. чувствованія въ себѣ воли*, а это дается развитіемъ всего психизма.

Откуда же, въ самомъ дѣлѣ, такая неудовлетворенность академіями, выразившаяся такъ открыто даже въ печати и такъ не научно-скептически?

Повторю: причина въ смѣшеніи идеи съ ея выполненіемъ.

Такое же смѣшеніе идеи съ ея выполненіемъ мы видѣли и въ

отрицаніи доктрины (*всякую* доктрину стали отрицать потому, что *нѣкоторыя* доктрины неумѣло и некстати примѣнялись).

Также вопреки очевидности и ясной необходимости дать дорогу гениямъ и талантамъ, стали отрицать идеи выдвигенія за отличія, изъ-за дѣйствительно неправильнаго примѣненія этой идеи (даже злоупотребленій въ примѣненіи).

Величайшій художникъ, Л. Толстой (но далеко не величайшій философъ и мудрецъ), также смѣшалъ идею книгъ съ ея выполне-ніемъ и ополчился вообще на книги и писательство.

И тому-подобные безчисленные на каждомъ шагѣ нашей жизни примѣры смѣшенія самой идеи съ ея выполне-ніемъ. Мы забываемъ, что сказалъ одинъ извѣстный психологъ: «въ концѣ концовъ всякая идея хороша, разъ она вѣрно выполняется».

Теперь рассмотримъ идею академій и ея выполнение.

Идея академій—высшее умственное развитіе общее (разумъ вождя долженъ обладать большой силой замысла; долженъ понимать все, не исключая и даже главнымъ образомъ психологію) и въ специальномъ отношеніи—примѣненіе всего добытаго наукою для военныхъ цѣлей, въ томъ числѣ пониманія первѣйшей необходимости развить ¹ въ себѣ, какъ въ воинѣ, тѣмъ паче вождѣ, силу воли.

На практикѣ эта идея если и осуществляется, то случайно, въ видѣ исключеній. Вообще же въ академіяхъ, какъ и въ училищахъ, практикуется пересказъ въ красивой формѣ програм-наго курса изъ книжекъ или записокъ профессоровъ.

Этотъ пересказъ въ красивой формѣ, гдѣ требуется запоми-наніе только того, что предусмотрѣно программой, конечно не можетъ удовлетворить идеѣ академій, такъ какъ (умѣстенъ лишь при начальномъ умственномъ развитіи, въ томъ періодѣ развитія чело-вѣка, когда умъ только *воспринимаетъ* свѣдѣнія въ готовомъ видѣ (разжеванномъ и переваренномъ авторами книгъ), накапливаетъ эти свѣдѣнія, однако еще не познаетъ ихъ сущность, природу, т.-е. *еще не сознаетъ*. Однимъ словомъ изучаетъ примѣры.

Въ академіяхъ же должно бы было имѣть мѣсто именно послѣднее, т.-е. развитіе познанія сущности явленій войны со всѣми ея элементами и факторами; *развитіе* сознанія *войны и само-стоятельные выводы*.

Выполненіе этой идеи вылилось въ уродливую форму *обученія*

критиканству (подъ названіемъ «разбора») лицъ и поступковъ ихъ въ данномъ примѣрѣ, притомъ крѣпко связывая мышленіе экзаменуемаго неосновательнымъ, но категорическимъ, хотя и условнымъ требованіемъ: такихъ-то лицъ и такіе-то поступки считать правыми и правильными, а такихъ-то—наоборотъ (откуда вѣроятно и походить противъ доктрины, забывая, что высшее умственное развитіе, правильное пониманіе, сознаніе явленій военнаго міра—удѣлъ немногихъ, а потому для остальныхъ—свободные выводы и рѣшенія поведутъ къ ошибкамъ и катастрофамъ).

Для рельефа—возьмемъ изученіе военной исторіи въ академіяхъ. Вѣдь очевидно, что военная исторія изучается не для того, чтобы блеснуть въ разговорѣ знаніемъ о томъ, что существовали Александръ Македонскій, Аннибалъ и др., и какіе они сдѣлали походы, одержали побѣды. Не для того даже, чтобы руководиться ихъ примѣрами, подражать имъ, такъ какъ нѣтъ и не можетъ быть повторяющихся событій войны съ одинаковой обстановкой; измѣненіе же самой незначительной данной не позволяетъ пригнать событіе къ прежней формѣ по результату. Очевидно, что военная исторія изучается для того, чтобы изъ массы частныхъ случаевъ разныхъ временъ и обстановокъ познать общіе, вѣчные или, для опредѣленныхъ періодовъ, міровые законы и условія явленій войны ⁴). И такъ какъ главную роль здѣсь играетъ человѣкъ, то необходимо преимущественное изученіе — явленій психологическихъ и физиологическихъ человѣка. Значить военная исторія должна давать выводы психологіи (бойца, вождя, народа, боя и пр.). На самомъ же дѣлѣ даются только примѣры...

Эту тему трудно вмѣстить въ рамки обыкновенной журнальной статьи и мнѣ хотѣлось разработать ее детально особо, но время не позволяетъ. Между тѣмъ невозможно обойти молчаніемъ распространеніе взгляда о небольшомъ практическомъ значеніи военныхъ академій; вообще въ военномъ дѣлѣ—высшаго умственнаго развитія.

Я и хотѣлъ доказать (не знаю насколько это удалось), что академія, даже въ случаѣ неполнаго выполненія своей идеи, возвышаетъ проходящихъ черезъ нее однимъ тѣмъ, что является сознаніе этого возвышенія, сознаніе необходимости приноровиться къ этому возвышенному мѣсту, удержаться на немъ послѣ того, какъ на него поставили или самъ какъ бы по ступенямъ взобрался. Зна-

⁴) Такъ, изученіемъ Суворовъ постигъ вѣчное условіе успѣха на войнѣ: быстрота дѣйствій, сила натиска и быстрая оцѣнка (притомъ правильная) обстановки. Вотъ результатъ умственнаго развитія, притомъ высокаго.

читать общее возвышеніе нравственнаго элемента—несомнѣнно. А исключенія вездѣ бываютъ. Ничего не значать и случаи апломба и неумѣреннаго самомнѣнія: съ дальнѣйшимъ умственнымъ развитіемъ и апломбъ, и излишнее самомнѣніе—исчезаютъ.

Изъ сказаннаго напрашивается выводъ, что академическое военное образованіе должно быть удѣломъ не немногихъ, а всѣхъ могущихъ стать вождями, всѣхъ офицеровъ, т.-е. слѣдовало бы вмѣсто академіи увеличить курсъ военныхъ училищъ, создавъ изъ нихъ военные университеты съ разными, по специальностямъ, факультетами.

Необходимо помнить, во-первыхъ, что науки, подобно мясу, тѣмъ лучше усваиваются, чѣмъ больше перевариваются, и во-вторыхъ, что высоко-умственно развитой воинъ несравненно *тверже въ своихъ убѣжденіяхъ*, въ исполненіи своего долга, чѣмъ средне-выученный, а тѣмъ болѣе исковерканный ученіемъ; въ послѣднемъ случаѣ—лучше совсѣмъ неученый.

А. Дмитревскій.

